

МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ И ОХРАНЫ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

ИСТОРИКО-МЕМОРИАЛЬНЫЙ МУЗЕЙ Н.А. ЛАКОБА

ДОЧЬ ЗА ОТЦА... ОТВЕЧАЕТ!

(Тайны семейного архива
Анатолия Вардания и Вероники фон Белински)

Сухум
2018

УДК 82-94
ББК 63.3(5Абх)6-38-8
Л 19

г/р 978-5-166-24-04018

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ФОНДА ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РЕСПУБЛИКИ АБХАЗИЯ

Дочь за отца... отвечает! (Тайны семейного архива Анатолия Вардания и Вероники фон Белински) / Сост. С. Лакоба, А. Дбар. Сухум, 2018.

Хочу выразить глубокую благодарность издателю Джергения Светлане Ирадионовне за бескорыстную помощь в издании книги, а также редактору Лакоба Станиславу Зосимовичу, который оказал мне большую помощь в процессе редактирования и подготовки рукописи к печати.

Ирина Вардания

Предисловие

Вниманию читателей предлагается редкий сборник, основанный на материалах семейного архива опаленного трагическими событиями Большого террора в Абхазии. Документы, фотографии 30-х гг. XX века — яркое свидетельство того времени, дыхание эпохи, коснувшейся миллионов советских граждан. Известно, что только в маленькой многонациональной Абхазии в 1937–1938 гг. были репрессированы 2186 человек. Уничтожались не только крестьяне, но и молодые представители абхазской интеллигенции. Одним из таких ярких и талантливых людей был Анатолий Вардания (1905–1938), видный государственный и политический деятель Абхазской республики, соратник главы правительства Нестора Лакоба.

Удивительно, что он был расстрелян на 33 году жизни — и за этот короткий срок успел сделать очень многое и как великолепный организатор городской инфраструктуры столицы Абхазии, и как строитель сложных конструктивистских зданий и не менее сложной дороги на озеро Рица...

Необычной для абхазского паренька была и семейная судьба. В Москве, во время учебы в Промышленной академии, он познакомился с удивительной австрийской девушкой Вероникой фон Белински, которая работала переводчицей в Коминтерне. У них родилась дочь Ирина. Прожили они вместе и счастливо всего несколько лет... Грянул 37-й — и счастливая молодая жизнь рухнула. Обо всем этом, казалось бы бесконечном трагическом времени, рассказала в этой небольшой книжке Ирина Анатольевна Вардания. Рассказала увлекательно и талантливо.

Редкие фотографии, документы о посещении Драндской тюрьмы НКВД, обращения к прокурорам и следователям, доносы коллег — все это как кровоточащие раны детской памяти. Ирина родилась, когда ее 30-летний отец был мэром города Сухума...

Станислав Лакоба

СЛОВО О МОЕМ ОТЦЕ

1937 год — один из самых трагических периодов нашей истории. Это год, когда уничтожались самые умные, талантливые, молодые, красивые. Год, когда я и мои сверстники потеряли родителей, семью, близких. Год, когда под корень была уничтожена только что народившаяся абхазская интеллигенция — элита. А ведь без элиты общество не может развиваться. А ведь все они были борцами за новую жизнь Абхазии; это были умные, образованные, физически красивые люди — Володя Гвалия, Вова Ладария, Михаил и Василий Лакоба, Миша Чалмаз, Миша Гарцкия, Костя Инал-ипа...

...Но они стали жертвами репрессий, их жизни оборвались и они унесли с собой весь свой неиспользованный потенциал. Одним из них был и мой отец, Анатолий Вардания, мне его не хватало всю жизнь, и детство мое прошло с клеймом «дочь врага народа».

Родился Анатолий Вардания 25 декабря 1905 года в селе Звандрипш Гудаутского района в семье крестьянина. Он рано лишился матери. С детства он был любознательным, способным мальчиком. Учился в звандрипшской школе, после чего окончил Лыхненское училище, Сухумскую семинарию. В 1918 году, после временного поражения советской власти в Абхазии, главный штаб революционной крестьянской дружины «Ки-араз», был перенесен в село Звандрипш, а братья моего отца — Игнат, Еснат, Алексей Вардания стали активными руководителями этой боевой дружины. Они имели очень большое влияние на своего младшего брата, и в этой атмосфере закалялся характер Анатолия. В 1921 году А. Вардания вступил в комсомол, работал секретарем звандрипшской комсомольской ячейки, затем возглавил комсомольскую организацию Сухумского педагогического техникума. Окончив в 1924 году педагогический техникум, работал заведующим политпросветотделом Гагрского уездного комитета комсомола. А в 20 лет его избирают секретарем Абхазского обкома комсомола. Здесь раскрылись его организаторские способности. Он регулярно бывал в селах, участвовал в ликвидации неграмотности населения. Ему принадлежит инициатива создания летом 1928 года в горном селе Цебельда первого республиканского пионерского лагеря. На торжественное его открытие он приехал с секретарем ЦК ВЛКСМ Николаем Чаплиным, который находился тогда на отдыхе в Сухуме.

Анатолию Вардания не исполнилось и 24-х лет, когда он был избран Первым секретарем Гудаутского райкома партии, а затем зав. орготделом и заместителем Первого секретаря Абхазского обкома КП Грузии. В это время в Абхазии разворачивалось широкое промышленное строитель-

ство: Ткварчельстрой, Бзыпстрой, строительство Ткварчельской ГРЭС, Сухумской ГЭС, Черноморской железной дороги, новых фабрик и заводов. Тогда остро был поставлен вопрос о подготовке местных кадров технической интеллигенции. В 1930 г. папу и других его друзей направили на учебу в Москву. Папа мой и Риза Искандер (дядя Ф. Искандера) поступили на энергетический факультет Промышленной академии им. Сталина. Вместе с ними учились Н.С. Хрущев, Надежда Аллилуева, Владислав Гомулко. Они тесно дружили. В Институте папа был заместителем секретаря парткома (секретарь Хрущев), а также членом бюро райкома Бауманского р-на г. Москвы. Будучи председателем Абхазского землячества, он стал инициатором встреч с видными деятелями науки и культуры. Зимой 1930 г. он на средства, переданные ему Н. Лакоба из спецфонда Совнаркома Абхазии, обеспечил всех студентов абхазского землячества зимней одеждой. Через наркома просвещения Луначарского добился получения дополнительного ежегодного лимита в ВУЗы страны на 25 человек по нужным Абхазии специальностям. В октябре 1932 года секретариат ЦК ВКП принимает решение о командировании студента последнего курса Промышленной Академии А. Вардания для работы директором строительства Бзыбского лесокомбината.

Узнав об этом, он пишет письмо Нестору Лакоба: «Дорогой Нестор! Я вполне осознаю и высоко ценю то доверие и внимание, которое ты мне оказываешь, выдвигая мою кандидатуру на такую крупную и сложную работу, и моя просьба о снятии кандидатуры почти целиком исходит из того соображения, что, не имея опыта руководства строительством, я просто боюсь подвести тебя и товарищей. В конечном счете, дело не в моем личном риске или в чьем-нибудь личном мотиве. Это основное соображение, которому я придаю все значение. Вопрос учебы, конечно, важен, особенно для меня, но в этом вопросе понимаю, что, когда требуется, в любое время на любую работу надо быть готовым, иначе и быть не может. Привет Сарии, Рауфу. Твой Толя».

И он приехал на родину вместе с молодой женой из Австрии, моей мамой, Вероникой фон Белински, с которой они познакомились в Москве в Станкоимпорте, где проходил практику папа, а мама работала переводчицей. В Вене она вступила в Коминтерн. Они прожили с мамой всего четыре счастливых года, остались письма, которые часто перечитывала мама. Вот они:

«Веруся, родная, слишком тяжело уезжать, но не ехать нельзя — работа. Я надеюсь, по возвращении, встретить тебя здоровой и жизнерадостной. Я всегда любил и люблю в тебе эту жизнерадостность и задорность. Буду счастлив с тобой вместе строить новую жизнь радостной для всех. Всегда твой Толя».

«Веруся, моя родная! Только что получил телеграмму, что у нас дочка. Будь счастлива, моя радость, а вместе с тобой и я. Мой выезд задерживается из-за дома Правительства, но задание надо выполнять. Береги себя, родная. Прошу до моего приезда имя дочери не давай. Это мы вместе дадим. Верно?! Верно! Что тебе привезти в подарок? Будь здорова, мой милый, родной, любимый друг. Целую тебя и дочку. Толя».

Мама с папой назвали меня Ириной. Я была очень веселым и коммуникабельным ребенком, очень любила всех папиных друзей, особенно Мишу Чалмаз, который много возился со мной. А того, кто дал мне имя, я совсем не помню...

Мама рассказывала, был праздник, на трибуне стояли Нестор Лакоба и его соратники, а мама со мной на руках стояла внизу, в толпе. После парада все стали спускаться с трибуны, к нам подошел Миша Чалмаз и взял меня на руки, потом спустились Нестор Лакоба, папа и все остальные. Увидев папу, я потянулась к нему, а меня на руки взял Н. Лакоба. Я обняла его крепко за шею и не отпускала до тех пор, пока мама силой не забрала меня.

В 1933 г. папу назначают начальником управления Бзыбского лесобумажного комбината. Под его руководством была построена дорога на Рицу, осушены болота в Пицунде, проведены важные гидростроительные работы. Не обошлось и без казусов. Из воспоминаний папиного друга, Григория Ивановича Чукбар, который работал с ним при строительстве Бзыбкомбината: «Трудно было прокладывать дорогу на Рицу, приходилось бревна и глыбы камней возить на арбах, это был очень тяжелый труд. Однажды арба перевернулась и покалечила ногу буйволу. Тут же был написан донос на Анатолия в Сухум, как на неумелого руководителя, вредителя. Автором этого доноса был секретарь парторганизации П. И. Толя очень переживал, он не мог понять, как может близкий ему человек так подло с ним обойтись».

Кстати, когда папа был назначен начальником «Бзыбстроя», ему понадобился водитель. Вскоре ему порекомендовали совсем еще молодого парня-грека из Гагры — Юрия Бербериди. Папа его очень полюбил, это был воспитанный и скромный юноша, ему было всего 17 лет. После окончания строительства дороги, папа забрал его в Сухум, и до самого ареста Юра был рядом с ним. Его уважали на работе. Однажды Нестору Лакоба понадобился шофер на месяц, Юру отправили в семью Лакоба, в дальнейшем он с гордостью вспоминал этот месяц, в который ему довелось возить Лакоба. Прошло время, папы уже не было в живых, мама находилась в ссылке. По возвращении, мама начала искать Юру, который, как оказалось, вместе с остальными греками, был выслан в Казахстан. Он вернулся из ссылки с семьей в 1970-х годах и начал в свою очередь искать

нас, и нашел. Его дети, три дочери и сын, стали мне очень близки. Дядя Юра умер, и мы до сих пор поддерживаем теплые отношения с детьми: Панаетом, Анулой, Мариной и Олей.

Когда я училась в очамчирской школе, П. И. преподавал мне историю. На уроках он часто хвалил моего папу, я чувствовала, что он чего-то недоговаривает, а что — я не понимала. Однажды, в школе, на линейке, он отвел меня в сторону и сказал: «Ты не слушай, что говорят о твоём отце, он был честным, порядочным человеком, образованным, ты можешь им гордиться». Это было время, когда меня «гоняли» из комсомола и упрекали тем, что я «дочь врага народа». Мама все знала о П. И., но ничего мне не говорила, видимо, чтобы не уронить достоинство учителя.

Летом 1934 г., когда строилась дорога на Рицу, к папе в гости приехал его друг, однокурсник Никита Сергеевич Хрущев. Папа ему показал все окрестности Рицы, Гагру, Сухум. Хрущев был потрясен той красотой, которую он увидел в Абхазии. В знак благодарности он подарил старому охотнику Хагуш, который их сопровождал, часы.

Прошло много лет. Уже будучи Секретарем ЦК КПСС он приехал в Абхазию, его встречал Михаил Темурович Бгажба, тогда Секретарь Абхазского обкома партии. Был устроен банкет в селе Лыхны, на банкете он говорил о красивом крае, о доброжелательных абхазах и рассказал, что, еще будучи студентом, он приезжал в гости к своему другу Толе Вардания. Сожалел о его судьбе и сказал, что хочет видеть его дочь. На другой день в 4 часа должна была состояться наша встреча в Пицунде. Мы уже с Михаилом Темуровичем собрались ехать, но в это время позвонил помощник Хрущева и сказал, что Никита Сергеевич срочно вылетел в Москву.

В начале 1936 года строительные работы были завершены, папа рапортовал Н. Лакоба о том, что построен Бзыбский лесокомбинат, дорога на Рицу, осушены болота на Пицунде, проводились там гидростроительные работы.

В феврале 1936 года он избирается председателем сухумского горсовета и энергично включается в работу. В газете «Советская Абхазия» от 30.07.1936 года он пишет: «Будущее Сухума — это красивое сочетание природных красот и климатических особенностей края с высоким архитектурным размахом. Здесь надо суметь всю эту прелесть и богатство субтропической флоры поставить на службу интересов трудящихся, обогатить эту красоту культурой».

Под его началом строится Дом Правительства (старый корпус), гостиница «Абхазия», железнодорожные эстакады, водопровод, канализация, здание института ВИЭМ, педагогический институт им. Горького. Камфорными деревьями озеленены улицы, и по сей день растут эти «легкие» города на проспекте Мира, улицах Лакоба, Кирова. Мой папа и его друзья

были безукоризненно честные, чистые люди, идеалисты, которые не могли допустить, что можно во благо себе пользоваться служебными полномочиями. По рассказам моей тети Жени Гагулия, однажды директор совхоза «Чернослив» в Гульрипшском районе, друг моего отца, К. Куколь, впоследствии репрессированный, прислал ему большую корзину винограда. Папа тут же отправил ее в детский сад.

Будучи председателем горсовета, они с мамой жили в гостинице «Рица», и были случаи, когда он свои ордера на квартиру отдавал остро нуждающимся людям. Помню, в 1960 году открылась школа-интернат № 1. Я только окончила институт им. Горького и стала там работать. Старшим воспитателем был назначен Иван Иорданович Цухникас. Он недавно вернулся из Казахстана, куда был сослан в 1949 году. Это был очень образованный интеллигентный человек. Когда он узнал, чья я дочь, стал плакать. Он рассказал мне, что у них была большая семья, свой дом на Маяке. Он сгорел, а семья осталась на улице. Мама Ивана Иордановича пошла на прием к моему папе, в горсовет. Когда он узнал, какая беда приключилась с ними, он отдал им свой ордер на квартиру (это был не первый случай).

1936 год очень тревожный, начало репрессий. 1 декабря 1936 года папа пишет письмо Н. Лакоба, который вместе с Сарией находилась в Москве и задерживался, т.к. Сталин его не принимал. Папа в это время находился в Сочи по делам, касающимся гостиницы «Абхазия».

Папа дает ему исчерпывающий отчет о строительстве в городе и вместе с тем очень насторожен и просит поскорее вернуться: «Вы, вероятно знаете о докладной записке С. Киут (видимо, секретарь Очамчирского райкома партии. — *И. Вардания*) о том, что в Очамчирском районе идут массовые репрессии колхозников. Был в Сухуме Талахадзе (генеральный прокурор Грузии), расследовал это дело, сказав, что из 76 привлеченных может с натяжкой принято 10–12 дел, а остальное есть голое администрирование. Если верить фактам, изложенным Талахадзе, то там доходило до того, что 14-летняя девочка осуждена на год за то, что на прополке табака она срезала 38 корней».

В городе уже шла волна арестов. Сначала были арестованы папины братья — Игнат, Эснат и Алеша, их жены были сосланы в Сибирь на 10 лет. Квартиры опечатаны, а детей выгнали на улицу. Дети Игната — Валя и Нелли, дети Алеши — Шамиль, Нателла, Дора, Ирадион, Ваня — спали в парке, детей Эзната — Свету и Гиви забрала сестра матери. Самым старшим среди них был Шамиль, ему было 13 лет и он все помнил. Когда в их доме производили обыск (во главе с палачом Гангия), один из них положил в карман серебряные ложки. Шамиль, увидев это, закричал: «Дядя, это наше!», но был жестоко избит. Шамиль Вардания был очень одарен-

ным мальчиком, танцевал в школьной самодеятельности, видел Сталина. Из его воспоминаний: «...В 1936 году И. Сталин отдыхал в Абхазии. Нестор Аполлонович Лакоба пригласил Сталина на ужин, с ним еще были Буденный, Каганович, Берия, Микоян и другие работники ЦК. Под вечер к моему дому подъехала машина, вошедший мужчина сказал моей матери, чтобы она быстро одела меня в национальный костюм. Мама помогла мне быстро одеться, и потом мы подошли к машине, в ней уже сидел мой напарник по танцу, Константин Лазба. Мы подъехали к ресторану «Рица» и там увидели участников Госансамбля: Чинчора Агрба, Симона Зардания, Аксентия Микаа, Фазылбея Ачба и руководителя Платона Панцулая. Все ждали гостей. Со стороны Абхазского драмтеатра к нам шел Нестор Лакоба со своими гостями. Они подошли к нам, поздоровались. Я тогда впервые увидел Иосифа Сталина, роста небольшого, конопатый. Нестор пригласил гостей в ресторан, где уже были накрыты красочные столы. Приглашенные расселись за столы, тамадой был Нестор Лакоба, первый бокал он поднял за народ, а второй — за Сталина. После выпитых гостями нескольких бокалов вина, певцы спели абхазскую народную свадебную песню с танцем, который танцевали я и мой партнер... Застолье продолжалось, певцы спели еще несколько песен и прозвучала танцевальная. Я и партнер близко от Сталина показали свое искусство в танце. Когда он завершился, к нам подошел Берия, обнял каждого и вручил по плитке шоколада».

Волею судьбы Шамилю еще раз пришлось выступить перед Сталиным. В 1945 году, в Москве, в Колонном зале Дома союзов. Он танцевал танец с саблями.

Папу арестовали в сентябре 1937 года по доносу того самого П.И., секретаря сухумского горкома партии. Вот этот донос:

«Секретарю Абхазского обкома тов. Гобечия. Считаю необходимым сообщить Вам следующее. 11 января 1937 года мною был вызван в горком партии по рассмотрению проекта решения Бюро горкома по электростанции тов. Вардания. Пока мы рассматривали решение, тов. Вардания завел разговор относительно решения Бюро Обкома КП Грузии о снятии с работы доктора Семерджиева за антисоветское, контрреволюционное высказывание в связи со смертью Лакоба. Тов. Вардания говорит, что тов. Семерджиева зря сняли с работы и даже, говорят, хотят репрессировать — это я считаю неправильным. Семерджиев был прав, когда он требовал пересмотреть акт о смерти Лакоба, потому что там было дело не в пульсе, а теперь говорят, что получили исчерпывающий акт — полный, где указаны все детали, которые требовал Семерджиев. Почему я считаю, что нет никаких оснований

привлекать доктора Семерджиева и снимать его с работы». После рассмотрения решения бюро, мы поехали в столовую «Рица» обедать. Когда слезли с машины, он говорит: «Видишь, как Диомид (Гобечия) приглашает всех грузин на работу, мне больше нет сил подписывать им квартиры. Между прочим, если Диомид увидит какого-нибудь грузина, у него сразу кружится голова, всех устраивает на работу».

Все это я считаю непартийным разговором со стороны кандидата в члены Бюро обкома КП Грузии... П. И.».

После ареста папы, опечатали нашу квартиру, нас всех выгнали на улицу: маму, меня, тетю моего папы, Екатерину Гагулия, и ее дочь — Женю Гагулия. Мы остались без ничего. Все в городе боялись с нами общаться, сторонились нас. Однажды моя тетя, Женя, шла со мной и держала меня на руках. Устала, мимо проходил сосед милиционер. Он поднял меня и понес. А на второй день его сняли с работы. Но мир не без добрых людей. Наш родственник, совсем еще молодой человек, Чичико Колбая, который был очень привязан к моему папе, ночью, рискуя жизнью залез через окно в нашу опечатанную квартиру и вынес: папино кожаное пальто, винчестер, альбом с фотографиями и личные вещи. Чичико Колбая нас не бросил, он опекал нас до самой своей смерти.

Через 2 дня у комиссионного магазина города Сухум выстроилась большая очередь — все знали, у моей мамы хорошие, заграничные вещи. Однажды Кишмишев, папин и мамин следователь, вызвал маму на допрос, из кабинета выходила его жена, которая была одета в мамино платье.

В городе продолжались аресты. Правду говорят философы: природа человека порочна, народ очень легко одурачить, одурманить.

Моя бабушка рассказывала, что ее как передовика производства (она работала швеей) послали в театр. Там 3 ноября 1937 года шел показательный процесс «13 лакобовцев». Когда им объявили приговор, все встали и начали аплодировать. Тогда Василий Лакоба встал и обращаясь к залу крикнул на абхазском: «Овцы, вы овцы (ауасақәа шәара)».

Бабушка долгое время носила папе передачи, даже после того, как его расстреляли. Писала во все инстанции. Искала своего племянника, но постоянно получала ответ, что он осужден на 10 лет и находится в ссылке.

После ареста папы, следом забрали и маму. Я очень скучала по маме, плакала, просила всех пойти со мной на море, там «мамочка Вероничка меня ждет». Но она еще год находилась в Драндской тюрьме под следствием. Ее не оставлял в покое папин следователь Кишмишев. Папа уже был расстрелян (он на допросах вел себя очень дерзко) и следователь решил отыграться на маме и постоянно угрожал ей тем, что сгноит в тюрьме ее щенка, то есть меня. А мне был год и 8 месяцев. Детская память очень

сильная, я помню бабушку и тетю Женю Гагулия, которые на руках привели меня в какое-то здание. С улицы мы подошли к большому дому с большим окном в решетках. Это была Драндская тюрьма. Меня посадили на подоконник. Вскоре из глубины комнаты вышла моя мама в сопровождении 2 конвоиров. Она подбежала к окну, просунула руки через решетку и попыталась обнять меня. Помню, как катились слезы по ее щекам. Какой это был стресс для нас обеих. И все так четко отпечаталось у меня в памяти.

Волею судьбы Кишмишева мы с мамой встретили летом 1956 года в Сухуме. Выездная сессия Верховного Суда Москвы судила бывшего наркома внутренних дел Пачулия. Бывший футболист, ставший в те времена наркомом, самолично присутствовал на допросах. Подвергал страшным пыткам арестованных. На каждом допросе был врач, который проверял пульс и определял — можно ли дальше пытаться или нет. У них было правило, когда выводили людей на расстрел, их сопровождал секретарь. Это была совсем молодая девушка. Когда выстроили всех для расстрела, она закрыла лицо руками. Тогда Пачулия приказал расстрелять ее первой, чтобы она не болтала.

Пачулия защищал адвокат. Когда он вышел на сцену с кипой почетных грамот и стал говорить о его таланте футболиста и хорошего человека, из зала выскочил на сцену Ирод Квициния, репрессированный. Он повернулся спиной к залу, снял сорочку — и все ахнули. У него вся спина была в страшных рубцах. «Это его работа!», — крикнул он, повернувшись к Пачулия. Зал зашумел, женщины наперебой стали его проклинать (он и с женщинами не церемонился, бил всех подряд).

Его приговорили к расстрелу, но «добрый» Ворошилов, Председатель Президиума Верховного Совета СССР, заменил приговор на 25 лет. Он отбыл наказание и вернулся домой в Тбилиси, жил в престижном доме на площади Героев и умер через много лет, оплаканный своей семьей, внуками и правнуками. Похоронен в Тбилиси. А вот где похоронены наши родители, мы не знаем.

Процесс был закрытым, присутствовали только оставшиеся в живых наши мамы. По большой протекции нас, детей репрессированных, допустили. Нас было пятеро: Зураб Анчабадзе (сын Вианора Анчабадзе), Нана Семерджиева (дочь Константина Семерджиева), Нелли Вардания (дочь Игната Вардания), Эдуард Гарцкия (сын Михаила Гарцкия) и я. Не буду говорить, что нам довелось услышать в этом здании. У меня сложилось впечатление, что зверствам гестаповцы научились у них. На этом процессе, в качестве свидетелей, были приглашены бывшие следователи. Среди них был и Кишмишев. Во время перерыва, он вышел в коридор и подошел к нам. Когда моя мама увидела его, побледнела и спросила: «Вы меня уз-

нали?» — «Да, — сказал он. — Вы Вероника Вардания». «А эта девочка тот щенок, которого вы хотели сгноить в тюрьме», — сказала мама и упала в обморок. К ней подбежали Ксения Чалмаз, Мэгги Качарава, Вера Джержегия, и стали приводить ее в чувство. Зураб, недолго думая, схватил Кишмишева за горло и стал душить. Тут прибежали милиционеры и увели Кишмишева. Нас предупредили, чтобы больше это не повторилось.

Через год, после ареста, маму из Дранды отправили в Бакинскую тюрьму (она заболела в поезде тифом, ей не было еще и 22 лет) в Баку ее сняли с поезда и поместили в инфекционный барак для заключенных. Два месяца мама боролась со смертью, но молодой организм и опыт ссыльного врача из Ленинграда, профессора И.Н. Смирнова победили смерть. После выздоровления, профессор, правдами и неправдами, продержал ее еще месяц в бараке, отдавая ей часть своего пайка. Когда маму привели в тюрьму (вели ее через весь город 2 конвоира с винтовками, прохожие выкрикивали вслед ей всякие оскорбления), подруг ее уже там не было, их отправили в Сибирь. Маму бросили в камеру с убийцами-рецидивистками. В этой камере мама увидела сестру Сарии Лакоба — Назию. Потерявшие человеческий облик рецидивистки так издевались над Назией, что она боялась пошевелиться. Когда мама вошла в камеру, они набросились и на нее. Отчаявшаяся женщина, не знавшая ничего ни о моей судьбе, ни о судьбе своего мужа, в исступлении со всей силой (откуда только она взялась?) стукнула железной кружкой по лбу одну из них, оказавшуюся предводительницей и рассекла ей лоб. Кровь залила ей лицо. «Пострадавшую» отвезли в больницу, а маму в карцер. После этого издевательства прекратились. Потом начались ее мытарства. Получилось так, что о ней забыли. Она не попала к своим подругам в ссылку, а кочевала из одной тюрьмы в другую. Через 5 лет ее нашли в Акмолинске, где она работала в контрольно-семенной лаборатории. Однажды ее отправили в город. Там она задержалась и пошла обратно пешком через поле (короткую дорогу). Началась пурга, все замело, стемнело, мама заблудилась, замерзла. Не зная, куда идти, в изнеможении опустилась на землю и стала замерзать, ее полностью замело. Вдруг она почувствовала, что кто-то тычется носом в нее. С трудом открыв глаза, увидела собаку, а с ней старого казаха. Он буквально на руках принес ее в землянку. Там ее обогрели, накормили, высушили все ее вещи, а утром проводили на работу. Очень обрадовались ее подруги, они уже не думали, что увидят ее живой. Администрации она не нужна, ссыльные часто умирали, они к этому привыкли.

Мама рассказывала с большой теплотой о казахах — очень добрый народ.

Недавно я прочла воспоминания одной ссыльной женщины. Когда их выводили на работу, то тут же появлялись дети и бросали в них камеш-

ки. Охранники смеялись, а старики-казахи стояли и не останавливали их. Однажды камешек попал ей в голову и раскололся пополам. Она взяла эту половину в руки и почувствовала запах сыра. Оказывается, это дети бросали в них, высушенный как камень, сыр. Это и есть высшее проявление человечности. А так как один год тюрьмы приравнялся к 2 годам ссылки, маму освободили, и она вернулась домой.

Я все это время находилась в Очамчире, в семье Сократа Тарба. Мой отец рано лишился матери. Его воспитали его тети — Екатерина и Мария Ахиба.

Впоследствии, они вышли замуж, Екатерина — за Дикрана Гагулия, а Мария — за Сократа Тарба. Когда папу арестовали, было небезопасно оставлять меня в Сухуме, меня забрала очамчирская бабушка Мария. Очень было рискованно в это страшное время брать детей репрессированных, это каралось. Бабушка сказала мужу, если что, говори, что я настояла. Первое время они меня прятали и только ночью выводили гулять. Потом постепенно меня полюбили соседи и все близкие, и делали все для того, чтобы я не чувствовала, что у меня нет родителей. Однажды бабушка заявила, что мы все идем на вокзал встречать мою маму. Нас было много — вся наша семья и соседи. Маму я помнила только по фотографиям, потому боялась, что не узнаю ее. Подошел поезд, все побежали вперед, а меня потеряли. Я остановилась у последнего вагона. Пассажиры вышли из вагона и, смотрю, последней выходит молодая женщина, похожая на мою маму. Я закричала «мама!», и побежала к ней. Она подхватила меня и упала в обморок, тут подбежала бабушка, соседи. Маму освободили в июне 1941 года, в начале войны. С ужасом вспоминает мама, как она добиралась домой. Кругом война, железные дороги бомбят, в Киеве она, вместе с другими, помогала вытаскивать из разбомбленного поезда тела детей, которые ехали в пионерский лагерь. С трудом добралась до Сухума, откуда ее тут же выселили. Она приехала в Очамчиру. Долгое время не могла устроиться на работу (экономист по образованию). Каждую ночь в 3–4 утра мы просыпались от стука в дверь, все пугались, а это пришла милиция, удостовериться в том, что мы с мамой не сбежали. Это продолжалось несколько лет, сначала каждый раз вздрагивали и пугались, а потом привыкли. В городе не хватало специалистов и ее стали приглашать на работу.

В Очамчире я закончила школу. Правда, несмотря на то, что ко мне все хорошо относились, клеймо «дочь врага народа» было всегда со мной: три раза принимали в комсомол. Учительница географии Слесарева долго надо мной издевалась, занижала оценки, оскорбляла, пересаживала за последнюю парту, не забывая подчеркивать при этом то, что я «дочь врага народа». Это продолжалось до тех пор, пока мама не пришла в школу и не «поговорила» с ней. В 1957 году мои родители были реабилитированы,

мы получили квартиру в Сухуме, я поступила в Педагогический институт (мама долго сопротивлялась такому моему решению, она хотела, чтобы я поступила в медицинский: «Ирочка, даже в лагере, врачам лучше живется»). Бедная мама, как глубоко в ней сидела тюрьма — это на всю жизнь. Мы с мамой переехали в Сухум. Я окончила институт и вот уже 60 лет работаю в просвещении.

Вспоминается и такой эпизод. В 1936 году Володя Гвалия, папин друг, Народный комиссар земледелия Абхазии, в составе советской делегации, поехал в Америку. Оттуда он привез две культуры: тунг и апельсины сорта «Вашингтон». Как ученый-агроном, он строил большие планы по развитию этих ценных сельхоз. культур. В центральной печати он печатает статью «Промышленное развитие науки в США и СССР». Из этой поездки Володя Гвалия (по воспоминаниям его брата, Шуры Гвалия) привез галстук Нестору Лакоба. Но его к тому времени не было в живых. Володя пошел к ним в дом и положил этот галстук на кровать, где были сложены вещи Н. Лакоба. Вскоре начались репрессии. В Сухум приехал Берия, он проводил совещание. На этом совещании, в унисон всем, кто осуждал Лакоба выступил П. И. (по его доносу уже был арестован мой отец), который сказал: «Здесь присутствует человек, который привез Лакоба галстук». Берия повернулся и сверкнул глазами, словно хотел его сжечь. Там его судьба была predetermined — по пути домой Володю Гвалия арестовали.

Впоследствии, в 1978 году П. И. выпустил брошюру «Комсомол Абхазии в социалистическом преобразовании деревни», где отзывался о них, как о честных, преданных партии коммунистах, ставших жертвами репрессий.

Шура Гвалия возмущался, прочитав: «Как земля держит таких подлых людей!»

1956 год. Время оттепели. Люди стали возвращаться из ссылки. Приехали мамины подруги — Вера Джергения (жена военкома Абхазии Миши Джергения), мамина лучшая подруга Мэги Качарава-Семерджиева, Зинаида Циколия, Вера Анчабадзе (жена Вианора Анчабадзе), Ксения Чалмаз (жена Миши Чалмаз), Валентина Ачба (жена Миши Гарцкия). Они собирались у нас. Воспоминания, слезы, радость. Очень переживали, что им некуда прийти, положить цветы на могилы своих мужей. Даже не знают, где они похоронены.

Нам выделили компенсацию за конфискованное имущество — 10 тысяч, и дали адреса семей, где находилась наша мебель. Ни она, ни ее подруги не пошли забирать свою мебель. На фоне их потерь — эта потеря ничтожна. А наш обеденный круглый стол, из красного дерева, еще долго стоял в вестибюле горсовета, расшатанный.

Как-то я встретила в Сухуме Эдуарда Гарцкия (Кузя), сына Миши Гарцкия. Уже не было в живых наших мам. Умерли его мама Валентина Ачба, Зина Циколия и Вера Анчабадзе. Он говорит: надо поставить памятник жертвам репрессий, чтобы все мы могли приходить туда.

Эта мечта наших мам, если они не дождутся, то хотя бы мы ее осуществим. Я уже написал и отнес статью в «Советскую Абхазию». Я говорю: «Кузя, это на государственном уровне надо решать, что мы с тобой сможем сделать?» Конечно же, мы ничего не сделали. А письмо было опубликовано в газете «Советская Абхазия», вот оно:

«Я своего отца — Гарцкия Михаила Павловича — помню хорошо. В 1937 ему было 39 лет. В те времена он работал первым секретарем Гудаутского райкома партии, работал он и председателем Райисполкома г. Гудауты. Работал и на других должностях. Когда отец работал заместителем председателя горисполкома в Сухуме, однажды ночью к нам пришли трое, чтобы забрать отца. Однако, в эту ночь он с ними не пошел, заявив, что завтра сам придет. На второй день отец ушел на работу. Со слов матери, там его и арестовали.

Дома мы все плакали, мать ходила узнавать, где отец находится, но никто ей правду не говорил, она возвращалась безрезультатно, со слезами.

Однажды ночью отец пришел домой обросшим, замученным, с разорванными брюками на правой ноге, и прихрамывая. Я помню, меня и моего старшего брата он посадил на колени, обнимал и целовал. Затем он матери сказал, чтобы она затопила баню — хочет искупаться. В разговоре он матери говорил: «Береги себя и детей. Не переживайте, я ни в чем ни виноват, и я скоро вернусь домой».

После этой ночи я больше отца не видел.

Через несколько месяцев, после ареста отца, также арестовали и мать. Конфисковали имущество и квартиру. Я и мой старший брат остались на улице голодные и холодные.

Все наши родственники узнали об арестах моего отца и матери, старшего брата забрала мамина сестра — Любовь Константиновна Ачба, которая проживала в Тбилиси, а меня забрал отцовский брат в село Лыхны.

Я от пережитого и от тоски по матери, отцу и брату днем и ночью плакал и в таком маленьком возрасте заболел гипертонией, часто падал в обморок. Счастьем моей жизни оказалось, что в те годы с нами проживала наша близкая родственница — Акусба Дзаба, она все время успокаивала меня, говорила, что скоро придут родители, этой надеждой я и жил.

Я помню день до ареста моих родителей, когда тело Н. А. Лакоба встречала вся общественность Абхазии, прибывшего поездом из Тби-

лиси в Келасур. В это время отец и мать отдыхали в Цхалтубо и по случайности оказались в этом поезде. Когда поезд остановился, из вагона вышли отец и мать, мать подошла к нам, а отец пошел в другой вагон, где находилось тело Н. Лакоба. Затем тело Лакоба доставили в дом. В день похорон Нестора Лакоба я и многие другие дети, его сын, Рауф, с траурными повязками стояли у гроба. Накануне похорон, вечером, к нам домой с отцом пришли В. Лакоба, М. Лакоба, М. Чалмаз и Х. Шамба. Было холодно. Греясь около камина, они разговаривали между собой. Отец говорил им, что смерть Лакоба — это дело рук «очкарика» Берия, который давно охотился за ним. Все остальные согласились с мнением отца. Не помню, кто из них сказал, что придет время и «очкарик» начнет истреблять невинных людей в Абхазии, в том числе и нас с вами, так как у нас в стране ему удавалось уничтожать честных людей. Так и получилось. Вскоре все вышеперечисленные лица были арестованы и расстреляны.

Я учился в одной школе с Кукушей и Тенгизом — сыновьями М. Лакоба и В. Лакоба. Однажды в школу пришли какие-то люди, забрали и арестовали Кукушу и Тенгиза.

На второй день, узнав об этом, пришел мой дядя, брат отца, забрал меня и спрятал в доме Рабая в селе Блaбырхуа, затем у Дасания в селе Звандрипи. Он боялся, чтобы и меня не арестовали.

Шли мучительные для меня годы, но меня окружали родственники, которые заботились обо мне, но все же не хватало родительского тепла.

В конце 1943 года вернулась из мест лишения свободы мать. Со слов матери и других очевидцев, мне стало известно о том, что при допросе НКВД отец мой прыгнул со второго этажа и ушел. Поэтому он в ночное время появился дома в порванных брюках и прихрамывающим. Всегда буду помнить, как, посадив на колени, он целовал нас».

Кузя умер, не дождавшись памятника, а он был построен и открыт в октябре 2011 г. В этом нам очень помог президент Сергей Васильевич Багашш, чьи дяди также были репрессированы.

Автор памятника — Зураб Тужба. Памятник прост и многозначителен — это необработанная глыба, обвитая колючей проволокой в память о тех, кто был зверски убит, и тех, кто провел долгие годы в лагерях. Памятник скорби и мужества.

Каждое 30 октября, в день памяти жертв политических репрессий, мы собираемся у памятника. Приходит много народу, ведь нет семьи в Абхазии, которая не пострадала в эти страшные годы. Приходит молодежь — это радует. Молодежь должна знать о трагических страницах своего народа.

Сегодня Абхазия живет в новых условиях, пройдя страшную войну и одержав в ней победу, добилась признания. Мне хочется, чтобы вся наша сегодняшняя молодежь, все будущие поколения знали и ценили бескорыстный труд подвижников начала 20-го века, их счастье и трагедию. А это во многом зависит от нас — поколения, которое еще несет в себе живые крупницы истории тех далеких дней.

Ирина Вардания

P.S. Недавно я прочитала воспоминания Майи Плисецкой, Ланы Гогоберидзе (грузинский режиссер) и Булата Окуджава. У них были репрессированы родители, а матери провели в ссылке 10 лет. Им было по 7–8 лет, когда забирали родителей, а встретились со своими матерями уже 17–18-летними. Они пишут об отторжении, о том, что не могли привыкнуть к «чужой» женщине. Много времени понадобилось, чтобы они произнесли — «мама».

Я вспомнила себя. Когда маму забрали, мне было около 2-х лет, а встретилась потом с ней уже семилетней. Моя бабушка Маруся, ее дети — Жора, Нелли, Аня, Лида — опекали меня, все время показывали мне мамини фотографии и мы все вместе ждали маму.

После возвращения из ссылки, мама со мной жила у бабушки, но потом она получила работу, и ей выделили комнату. Мы переехали (я — со слезами). Я не могла без бабушки и ее детей. Ночами плакала. После нескольких занятий я бежала к бабушке. К 6 часам, к маминому возвращению с работы, отправляли меня домой. Провожали меня до половины дороги, а сами прятались за углом, чтобы проследить, куда я пойду. Я же возвращалась назад со слезами на глазах. Они выходили из-за угла и уже провожали до дома. Я цеплялась за них и не отпускала. Это продолжалось долго. Мама, видимо, очень переживала, она очень старалась наладить отношения со мной. Она оставляла меня ночевать у бабушки, но мои тети и дяди учились в абхазской школе, а я в русской, на берегу моря, рядом с нашей с мамой квартирой. Приходилось бабушке отводить меня в школу. Но мама была умной женщиной, она мне много читала, открыла мне всех детских писателей, а в старших классах — Есенина. Так, постепенно, мама смогла растопить лед между нами. Потом мама стала для меня самым дорогим человеком и до конца ее жизни мы не расставались.

Вот так ломал детские души трагический 37 год.

И. В.

ПИСЬМА

Сочи, 1 декабря [1936 г.]

Дорогой Нестор!

Хотя уже скоро месяц как не видно солнца, идут дожди, Абхазия остается солнечной Абхазией, откуда посылаю Вам искренний привет.

Хотел бы очень порадовать Вас каким-либо хорошим сообщением, но данное мое письмо, видимо, обречено на освещение некоторых мрачных вопросов.

Строительство еще находится в большом прорыве, и перелома особенного нет. Идут дожди, сегодня первый был день, когда после обеда не было дождя. Хотя т. Кучулория каждый день сидит на вопросах строительства, полагаю, что частые совещания со строителями, в период, когда остались считанные дни, имеет и свою теневую сторону. Все же он требует, действует, а к наступлению погоды сделано немало подготовки.

По своим объектам я выхожу неплохо. По гостинице, канализации, водопроводу — средства освоены, остается немного. Проект водоснабжения готов. Тяжелый вопрос — баня. Я ее уже принял, строю сам, материалами себя обеспечил в основном. Сделано ряд мелких, но существенных дел. Не хватало кровельной длани — мы ее сняли со старых сараев, кое-где заменив ее дрянью.

Часть оборудования — котлы, трубы достали, часть в Ростове, часть в Баку, остальное ищем. Программа намечена такая. Кончить всю кладку 5-го, а с 8 декабря начать наружную облицовку и, кончив ее к 19 числу, начать внутреннюю отделку. Сейчас приехал в Сочи уговорить Спецстрой взять на себя отделочные работы. Они соглашаются, главное они согласились открыть в Сухуме свою контору. Это очень важно, т. Нестор, ибо они обладают хорошими кадрами, собранными из Москвы для стр-ва дома Наркомтяжпрома в Сочах.

Это будет у нас очень ценным, оперативно-способным звеном (не в обиду будет сказано Абхазстрою). Как ни жестка программа по бане (а мне не на кого положиться, как на самого себя, ибо по объективной своей роли смотрел на провал объекта и молчал), думаю, что в этом году закончим в основном строит. работы, закупим на 70–100 тыс. рублей оборудования, а остальное закончим в 1-м квартале, за счет остатка материалов, если разрешат. Раньше был такой порядок, что если объект заканчивается, то ему давали два льготных месяца, т. е. январь и февраль кредитов не

закрывали. В этом году пока твердо не известно, но, кажется, этот порядок будет изменен. Во всяком случае, т. Нестор, сделаем все что возможно.

По дор. работам мы первый план, и добавленные 170 тыс., которые дали нам в августе, уже в основном закончили. Не освоил 125 тыс. Которые выделены нам перед Вашим отъездом. Их пока доутвердить в СНК Грузии банк не дает, но, думаю, что декабрь даст хотя бы 15 рабочих дней, и мы их освоим. Пока что, не дожидаясь банка, мы начали подготовительные работы, но состояние погоды нагоняет прямо-таки психическую тревогу.

На днях было бюро. Откровенно говоря, ушел оттуда с невеселым настроением. Планы наши по деревне идут очень отстало. Даже заготовка табака и мандаринов на ноябрь находится на уровне 60 % плана. По чаю и герани Вы знаете как. Тут, конечно, играет роль и погода, но факт что планы в прорыве. Стало быть, в те дни, когда будет погода, требуется особого порядка работа, главное по ведущей культуре — табаку, где мы должны, как говорится, головы сложить, но выполнить. Секретари райкомов были на бюро, обещают многое, но этого обещания мало. Дело ведь не в их личной готовности самообилизации (что также грешит недостатками), а в том, чтобы поставить на ноги весь народ, мобилизовать все и вся, а вот этого они в таких ударных темпах не поднимут, да прямо сказать «еще от них одних может не получиться».

Требуется личный наезд, особенно Ваш в глубинные районы, а это поправит и поднимет дело. Поэтому я считаю, т. Нестор, что в интересах этого очень хорошо было бы, если Вы вернулись скорее, чтобы до 1 января поправить. Я знаю прекрасно, какие дела Вас задерживают и какое они имеют значение для республики, но дело такое, что в «тылу» не все в порядке, главное — время, рабочий день — людьми не уплотнено для работы.

На бюро стоял вопрос об инциденте между Эхвая и Костей [Семерджиев. — *Ред.*] и вопрос о том, что Ашхацава (Сух СК) ведет не в должном порядке разговоры о старом руководстве и т. Гобечия выступил примерно так, что надо сделать внушение, не заноса в протокол, что надо бросить такие дела и работать. У меня лично создалось впечатление, что вопрос о разговорах о старом руководстве он поставил скорее в порядке предупреждения других, поэтому взял покрупнее парня, очевидно кое с какими фактами, как повод для постановки вопроса, чтобы дать бюро установку.

Очемчиры подгадили вместе с прокуратурой на этом бюро. Вы знаете вероятно докладн. записку т. Киут С. о том, что в Очемчирском районе идет массовая репрессия колхозников. Был в Сухуме Талахадзе [прокурор Грузии? — *Ред.*], расследовал это дело и все подтвердил, сказав, что из

76 привлеченных можно с натяжкой принять 10–12 дел, а остальное есть голое администрирование. Если верить фактам изложенным Талахадзе (а он их читал из дел) то там доходило дело до того, что 14-летняя девочка осуждена на 1 год за то, что при прополке табака она срезала 38 корней и т. д. Возражения Аджба «обоснованы» тем, что при Киуте было не лучше. Записали району крепко, и я задним числом жалею, что самой Респ.прокуратуре ничего не записали.

А ведь как бы скоро мы не поправили эти факты, они питают, снабжают гнусных людей для гнусных разговоров, а охотников до этого пока что не мало. Ничего страшного в этом нет, все это одолеем, поправим, но почему они должны обязательно иметь место у нас?

Остановился на ночлег в б.доме отдыха моего шефа Семен Семеновича. Если повидаете его, передайте большой привет. Как бы плохо у него с НКЛесом не получилось, он прекрасный большевик, заслуживающий большого уважения.

Возвращайтесь здоровым, т. Нестор.

Ваш А. Вардания.

P.S. Гарцкия уходит в отпуск с 5 числа. Пусть отдохнет и полечится, может он потом будет лучше помогать в работе.

Может быть, после Вашего приезда, первым и покрепче мне попадет от Вас, за какие-нибудь дела, но о необходимости Вашего скорого возвращения я пишу так, как счит. это правильным, и было мне подсказано моим разумением.

А. Вардания.

Из личного архива Нестора Лакоба

Дорогой Нестор!

Я вполне осознаю и высоко ценю то доверие и внимание, которые ты мне оказываешь, выдвигая мою кандидатуру на такую крупную и сложную работу, и моя просьба о снятии кандидатуры почти целиком исходит из того соображения, что, не имея опыта руководства строительством, я просто боюсь подвести тебя и товарищей, тем более совершенно не знаю нынешнего состояния строительства.

В конечном счете, дело не в моем личном риске или в чем-нибудь личном мотиве. Это основное соображение, которому я придаю все значение. Вопрос учебы, конечно, важен, особенно для меня, но в этом вопросе понимаю, что, когда требуется, в любое время на любую работу надо быть готовым, иначе и быть не может.

Очень хочу, чтобы ты меня понял в том, что никаких «отвлеченных» и «самовольных» рассуждений я себе не допускаю, а откровенно излагаю свои мотивы, а если эти мотивы в данной обстановке недостаточно решающие, то меня поправят, где надо.

Окончить академию оставался год. Сейчас ЦК набавил еще 7 месяцев, для полноты программы. Выпустят в феврале 1934 г.

Нахожусь сейчас на практике, на Каширской Электростанции. Случайный приезд совпал с получением твоей телеграммы. Сегодня поеду обратно. В августе получу отпуск и смогу повидать дорогих товарищей.

Привет Сарии и Рауфу.

Вове сколько не пишу, ни разу хоть записки не черкнет.

Шлю ему заунывный энергопривет.

Когда же поедешь лечиться?

Твой Толя.

Из личного архива Нестора Лакоба

С отцом Кутией Вардания

Вероника фон Белински с родителями

Анатолий Вардания и Ш. Ломия

А. Вардания

А. Вардания – студент
Промкадемии им. Сталина.
Москва, 1930 г.

А. Вардания в кругу друзей

А. Вардания. 1930 г.

А. Вардания – студент Промакадемии им. Сталина. Москва, 1932 г.

Игнат Давидович Вардания
и А. Вардания. 1932–1934 гг.

А. Вардания. 1933 г.

А. Врдания. 1933 г. Оз. Рица

Строительство дороги на Рицу. 1933 г.

Владимир Гвалия, А. Вардания, Ашуба. Сухум, 1935–1936 гг.

Анатолий Вардания, Михаил Чалмаз, Владимир Ладария

А. Вадания
с женой Вероникой

Анатолий Вардания
с женой Вероникой.
Июнь 1936 г.

Ю. Бербериди
(стоит слева в кожаном плаще)

Лыхнашта

А. Врдания – председатель
Горсовета. 1936 г.

Вероника Врдания

А. Врдания – председатель Горсовета. 1936 г. В кабинете

Вероника Вардания с дочерью Ириной

Встреча с мамой после ссылки. 1946 г.

А. Вардания, В. Вардания

Вероника Вардания

Анатолий Вардания

А. Вардания
с семьей

Женя Гагулия с Ирочкой. 1938 г.

В честь памяти и дружбы в далеком Казахстане. Ася, Дина, Вероника Вардания, Фаина и Нина. 19 июня 1941 г.

В день 13-летия Ирочки. Очамчира. 1949 г.

80-летие А. Вардания в доме-музее Н. Лакоба. Декабрь 1985 г.

80-летие А. Вардания в доме-музее Н. Лакоба. Декабрь 1985 г.
Выступает Г.И. Чукбар.

Выступает Алексей Ладария. Фото С. Эшба

80-летие А. Вардания в доме-музее Н. Лакоба. Декабрь 1985 г.
Слева направо: М. Бгажба, З.Н. Циколия, А. Ладария. Фото С. Эшба

Ирина Вардания

Ю. Бербериди

Дом, в котором жила семья А. Вардания (ныне парк Курченко рядом с детским садом «Алашара»). 2017 г.

Дорогой Нестор!

Я вполне осознала и высоко ценю - тво доверие и внимание, которое ты мне оказываешь, выдвигая мою кандидатуру на такую крупную и сложную работу, и моя просьба о снятии кандидатуры почти целиком исходит из того соображения, что не имея опыта руководства строительством, я просто боюсь повести себя и товарищей, или более совершенно не знаю нынешнего состояния строительства.

В конечном счете дело не в моем личном риске или в чем-нибудь личном мотиве. Это всеобщее соображение, которому я предаю все риски.

Вернусь моя родная!

Только что получила телеграмму твою
уже дожда. Будь счастлива моя радость, а
вместе с тобой и я. Я сейчас поеду на
вокзал, провожать Мусю и Ксю, передам
через них письмо, а оттуда поеду к
Тусе и дам маме телеграмму.

Вон поезд задерживается из-за долгие
правительств, замучившая я в твою
духоте, надоело каждый день выслушивать
по переживаниям, ко задание надо
выполнить. Тумано это через три дня
якобы и везду.

Вернусь моя родная, смотри вывески
как следует. Прощай пока до моего
приезда дожде имени не давай, твою
ма вместе дадим. Верно?! Верно! Что
неде приеду и подарок? Будь дорога
моя мамой родной любимой друг
целую тебя, дождю и Ксю

Корни и Юля пишут это
Твое согласие хорошее, я спиком!

21/6-1936г.

ქალაქ სოხუმის მუშათა, კულტურის და
წითელარმაღლებულთა საბჭოს
თ ა ვ ნ ჯ დ ო მ ა რ ე

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СУХУМСКОГО ГОРОДСКОГО СОВЕТА
Рабочих, Крестьянских и Красноармейских депутатов

აღ. აქია, ქ. სოხუმი, რ. სუხუმი

193 2.

Веруся родная.

Сегодня получила письмо от мамы
твоему переслать тебе. Письмо
мое / короткое потому что идет
совещание по проверке подготовки
к краевикам, и боюсь что все
закроют, а знаешь как ты радуешься
письмам мамы как ты спрото
тебе переслать.

Увиди переслать тебе письмо,
сам сяди на пароход, с поварихенкой,
ты и вестик уже получила. Бесе
раз подправила тебе и цешро
моя родную Вероничку.

Все ребята шлют тебе привет.

Всегда твой Маме
Крикет переслать маме. Соскучился
я ей, но пусть она отдохнет.

ХХИ

Наркомлес СССР

НАЧАЛЬНИК
СТРОИТЕЛЬСТВА БЗЫБСКОГО ЛЕСОБУМАЖНОГО КОМБИНАТА

Через родина

Не зрещи робити мені
не пугає. Здоров'я наше
в наших руках, що може
довгого поборити і от
я соделає. Клим водний
целю мені криво криво
Всёда Вам тая.

Обраблю на ратне посолье
великим делом.

Секретно в. Восточного фронта Г. Водкина ++

39

Судан международными соглашениями. Водкина 1934. Мне бы хотелось в своем письме рассмотреть вопрос решения бюро горкома по организации Г. Водкина. Как мы рассмотрим решение Г. Водкина, если оно будет относительно решения бюро об этом. Водкина с работы дождет Семедневца и другие, подтверждающие в указании в нем Семедневца. Моб. Водкина. Семедневца в своем письме с работы и даже в своем письме Семедневца - это решение не является. Семедневца бы прав когда он требовал относительно Семедневца, что там было не все и другие решения не являются. Семедневца все знают, что и требовал Семедневца по этому поводу, что не по какому решению Семедневца и другие. Семедневца с работы."

не рассмотреть решение бюро мы не можем. Риска ввиду. Когда слышишь о маминте ввиду "видим как видим" и другие. Семедневца на работу, мне не Гантисе или другие или другие. Между прочим, если видим что-либо другое и кого сразу увидеть.

Трагический Вешевский лес на шоссе, 134,
 Емлю это писемо приехали в Керки и коду
 кодем это писемо гаворит, го "мы думаем
 оно должно дойти не только в виде
 мбо и керки вот на тебе приложены к
 следующим документам в делех Керкимо."

134-1934. *В. Мисерия*

УТВЕРЖДЕНО

НАРКОМВНУДЕЛ АССР АЕХ. /ПАЧУЛИН/

26/9

Город Сухуми 1978. Сентября 28

Пом Нач Луотд Уть НКВД АЕХ. - МЛ ДЕПТЕНАНТ ГВ - ПЕТРОСЯН

ВАРДАНИИ Анатолий Куткевича

рожденный и ЖЕНАТ по семейн. положению

служавый

является членом к-го троцкист

терроркстическо-вредительской-повстанческой организации руководимой

врагом народа Н. ЛАКОВА

Составитель: А. Мисерия

2/8

Считаю необходимым сообщить следующее:

11 января 1937г. мною был вызван в Горком партии по рассмотрению проекта решения Бюро Горкома по электростанции тов. ВАРДАНИС Ан.

Пока мы рассмотрели решения, тов. ВАРДАНИС завел разговор относительно решения Бюро Обкома К(б)Гр. о снятии с работы доктора СЕМЕРДЖИЕВА за антисоветское, контрреволюционное поведение в связи со смертью Н. Дзюба. Тов. ВАРДАНИС говорит, что "тов. Семерджиев зря сняли с работы и даже говорит хотят репрессировать - это я считаю неправильным. Собственно говоря Семерджиев был против когда он требовал относительно акта о смерти Н. Дзюба, что там было не все правда и др. Теперь говоря получили очерчивающий акт - полный, где указано все детали, что и требовал Семерджиев почему и считаю, что нет никакого основания приложить доктора Семерджиева и даже снимать его с работы".

После рассмотрения решения бюро мы поехали в столовую "Рица" обедать. Когда съезили с машин он говорит: "видишь как Дюмид приглашает сюда всех грузин на работу, мне нет больше сил подписывать им квартиры. Между прочим, если Дюмид увидит какого либо грузина у него сразу кружится голова, всех устраивает на работу".

Все это считаю непартийным разговором со стороны кандидата в члены Бюро Обкома К(б)Гр.

Кроме того, прилагаю письмо репрессированной троцкистки Волховской Анна на имя тов. Вардания.

Ему это письмо принесли в Горком и когда он прочел это письмо говорит, что "ты думаешь оно дошло до меня не прочитав в дороге его кто либо и потому вот на тебе приложи к соответствующим документам в делах Горкома".

ჩხრეკის ოქმი
Протокол обыска

- 8 -

193 წ/წ. _____ დღის _____ მთ.

ორდერის თანახმად
на основании ордера

№ _____ შეიძენე ჩხრეკა შოქ. მოქ. _____
произвел обыск у гр. _____

შეიხიერებინა _____ ქუჩაზე
проживающего в _____ по улице

სახლის № _____ ბინა № _____
дом _____ кв.

ჩხრეკის დროს ესწრებოდა შოქ. მოქ. _____
При производстве обыска присутствовали гр. гр. _____

წამოღებულია წარსადგენად _____ შემდეგ:
Изъято для представления _____ следующие:

№	დასახელება აღმოჩენულ ნივთებსა Наименование изъятого	რაოდენობა Количество	ხარისხობრივი მდგომარეობა Качественное состояние
1	2	3	4
1	რადიო-სურსათი, ს.შ. 9151	1	
2	ჩხრეკის	1	
3	ჩხრეკის	2	
4			

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

15. სექტემბერი 1937 წ.

КВИТАНЦИЯ № 334

Руб. 30 коп.

Принято от Гадушидзе

_____ для начисления на счет

з/к. Варошанин Вероника Ивановна

Руб. _____ коп. _____

Принял _____

0928-200x100

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

КВИТАНЦИЯ № 327

Руб. 30 коп. _____

Принято от Варданис Верон. Ишени

_____ для зачисления на счет

з/к. Варданис Верон. Ишени

Руб. двадцать коп. _____

Принял Варданис Верон. Ишени

5942

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

КВИТАНЦИЯ № 311

Руб. 30 коп. _____

Принято от Тарушиз

_____ для зачисления на счет

з/к. Варданис Верон. Ишени

Руб. тридцать коп. _____

Принял И.К.

5928-200x100

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

КВИТАНЦИЯ № 288

Руб. 160 коп. _____

Принято от Варданис Верон. Ишени

_____ для зачисления на

з/к. Варданис Верон. Ишени

Руб. сто шестьдесят коп. _____

Принял Варданис Верон. Ишени

5942-20x100

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

КВИТАНЦИЯ № 608

Руб. 50 коп. _____

Принято от Тарушиз

_____ для зачисления на счет

з/к. Варданис Верон. Ишени

Руб. пятьдесят коп. _____

Драндская тюрьма НКВД Абхазской А. С. С. Р.

КВИТАНЦИЯ № 215

Руб. 50 коп. _____

Принято от по заявлению

_____ для зачисления на счет

з/к. Варданис Верон. Ишени

Руб. пятьдесят коп. _____

Принял Роз

6828-200x100

ПРОЦЕДУРУ ПО СЛЕД.ДЕЛАМ

От ГАГУЛИЯ Екатерины давидовны
г.Сухуми ул.2-я Подгорная № 17
кв. 14

ЗАЯВЛЕНИЕ.

В Сентябре м-це 1937 года в г.Сухуми органами НКВД
был арестован мой племянник и воспитанник ВАРДАНИЯ Анатолий Кутневич.
до настоящего времени мне не известны причины его
ареста и место его пребывания.

Кроме того также арестована его жена Вероника Владимировна
Вардания, которая сидит уже год в Драндской тюрьме без оконченного след-
ствия.

Прошу тов.Прокурор дать мне точный ответ на эти два
вопроса.

/ ГАГУЛИЯ Е.Д./

13 Июня 1939 года.
г.Сухуми.

1980-Окт. ССР
 1980-Окт. ССР
 20 VI 1941 г.
 0-24
 Подпись: _____
 Подпись: _____

Характеристика.

Выдана Бардаман В. Ч.
 в том что она работала
 в качестве ст. Лаборанта
 контрольно-семенной лабора-
 тории Октябрьского района
 с работой справилась и
 к работе относилась
 добросовестно.

Зав. Р. Лаборатории К. Бусыгин

20 VII 1941 г.

С П Р А В К А.

30 мая 1941 г. НКВД издало
 постановление
 Народный комиссариат
 внутренних дел
 П Р А В Л Е Н И Е Н К В Д
 по Карской ССР
 О К Т Я Б Р С К О Е
 Районное Управление
 3. / 14 / 1941 г.
 № 618
 в МАРЬЕВКА

Велена настоящим Октябрьским РО НКВД Северо-казахстанской Области КСОР административной территории в том, что за срок
 адм. высылки истек + наша 1941 года, а поэтому из
 адм. высылки освобождены. Справка на ительство не
 флу. ит.

ОКТАБРЕМЬ РО НКВД

/ ГЛАЗКОВ /

МАРЬЕВКА ОКТЯБРЬСКОГО РО НКВД
 / КОНОПАРНИКОВ /

лично тов. Х Р У Ц Е В У Н.О.

от ученики 11-го класса Очамчирской 3-й Средней школы
ВАРДАНИ Вуши Ахмедовичи

прожив. в Абхазской АССР, гор.Очамчире улица Ленина 19 25

З А Я В Л Е Н И Е .

Отец мой ВАРДАНИ АНТОНИЙ Кутиевич, 1905 года рождения, урож. села Званджини Гудгутского района Абхазской АССР, проживающий в гор. Сухуми, работал на должности Народного комиссара Местной Промышленности Абхазской АССР до сентября месяца 1937 г., 23 сентября 1937 г. мой отец был репрессирован органами власти в гор. Сухуми, после чего о нем больше ничего не известно.

Во время ареста моего отца, мне было всего 1 год, так, что я его не помню.

Мать моя, которая в связи с арестом моего отца тоже много горю, лицезня и гонимая со стороны местной власти переносла, воспитала меня в духе любви и преданности к партии и советской власти.

В настоящее время, я учусь ВЛКСМ, в этом году кончу среднюю школу и мечтаю поступить в институт, хочу стать грамотным и полезным специалистом для нашей Родины.

Но вот, меня мучает и беспокоит предвзятое моему отцу обвинение, трудно мне примириться с тем, что я дочь врага народа.

В связи с разоблачением врага народа Берия, у меня появилось основание предполагать, что может быть и мой отец как многие другие, является жертвой тупоумной работы аппарата родины.

Узнав о том, что мой отец учился с Вами, дорогой Николая Сергеевича, в Промакадемии им. Сталина, откуда он был направлен тов. Орджоникидзе С. на работу в Абхазию, я осмелилась обратиться к Вам,

2003
VI 81

мам и родному отцу /любимому/ я не пишу с просьбой, чтобы мне
узнать о настоящей деятельности и судьбе моего отца.

Если в пределах советского закона, моего отца можно будет
реабилитировать, то прошу Вашего содействия об ускорении дела и
информация меня о результате.

Прошу простить меня за беспокойство причиняемое маме, но мы
застыженимы, но мне очень хочется знать правду о своем отце.

Ученица 11-го класса

Очангирской 3-й СШ

и Вараданц / ВАИДЖИИ И. /

гор.Очангире

14.сентября 1954.г.

Асыгытөн АССР
Админтқаррато центрто архив
აფხაზეთის ასსრ ცენტრალური
სახელმწიფო არქივი.

Центральный Государственный
архив Абхазской АССР.

№ В-40
- 28 - исс. 289 185 б. в. г.
Аш. Ашха, ашх. Леселидзе № 47.
ქ. სოხუმი, ლესელიძის ქ. № 47.
г. Сухуми, ул. Леселидзе, № 47.

Архивто справка
საბჭოეთო ცხრილი
Архивная справка

Гр-ца ВАРДАНИИ Ираме Анаволевны

В документальних материалах ар-
хивного фонда ЦК Абхазской АССР, по про-
токолам видно, что ВАРДАНИИ Анаволий Кутл
евич работал Наркомместпроком Абх. АССР
и был снят с работы 8 октября 1937 года.

Служил за 1936-1937 гг. не
пользовался.

Основание: № 1, оп. 8, д. 109, л. 130,
2, 3.

ПАЧАКЕНК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
АБХ. АССР *И. Пачкебия* / И. Пачкебия /

Администрация
Абхазской АССР, Сухуми

С П Р А В К А

Верховным Судом Абхазской АССР 10 августа 1956 г.
рассмотрено дело по обвинению ВАРДАНИЯ Вероники Ильиничны.

Постановление бывшего Особого Собрания при НКВД
СССР от 5/1-1940 г. в отношении ВАРДАНИЯ Вероники Ильиничны
отменить и дело о ней производством прекратить за отсут-
ствием в ее действиях состава преступления и ВАРДАНИЯ
Вероники Ильиничны полностью реабилитированы.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ВЕРХОВНОГО СУДА
АБХАЗСКОЙ АССР

В. Гвинджия

/В. ГВИНДЖИЯ/

К о п и я

ПРОКУРАТУРА АБХАЗСКОЙ АССР

г. Сухуми, ул. Кагановича, № 2

№ 4/213
9 ноября 1956 г.

ВАРДАНИЯ Ире Анатольевна
гор. Сухуми, Дедянтинтут.

На Ваму жалобу при этом сообщается, что по заключению
Прокуратуры Абхазской АССР Постановлением Президиума Верховного
Суда Абхазской АССР от 2.XI-56 года постановление бывшей тройки
при НКВД СССР от 26.XII-37 года в отношении Вашего отца ВАРДАНИЯ
Анатолія Иуриевича отменено и дело производством прекращено за
отсутствием в его действиях состава преступления.

Таким образом Ваш отец полностью реабилитирован.

Зам. Прокурора Абхазской АССР
Ил. советник Юстиции - Шажкиани

საქართველოს საბჭოთა სოციალისტური რესპუბლიკა
ГРУЗИНСКАЯ СОВЕТСКАЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА

გარდაცვალების მოწმობა
СВИДЕТЕЛЬСТВО О СМЕРТИ

РЭ № 175282

მოქ. Варданыш
Гр. Амай олий (გვარი — ფაშანი, Кутиевич)

სახელი და შანის (სული — ში) და ოტჩესტო

გარდაიცვალა 2 იანვარს, ხისათა დევნილად

Умер (და) свояк ხმობრთ და ცოდრბით, წელი, თვე და რიცხვი
свояк ხმობრთ ვ. 2. 1. 1942
(პროცესო და პირამი год, месяц и число)

გარდაცვალების მიზეზი инфаркт сердца
Причина смерти

რახედაც გარდაცვალების შესახებ მოქალაქობრივ მდგომარეობის აქტების
о чем в книге записей актов гражданского состояния

ჩასაწერ წიგნში 1956 წელს 18 თვეს 11 რიცხვს
о смерти года месяца числа

მოხდენილია სათანადო ჩაწერა № 48 -ით.
произведена соответствующая запись за

გარდაცვალების ადგილი: ქალაქი, სოფელი
Место смерти: город, селение

რაიონი, რესპუბლიკა
район область, республика

რეგისტრაციის ადგილი
Место жительства (შანის პეტროს დასახელება და ადგილსამყოფელი)

სუხუმი
სოფელი და მდებარეობა (სერო ЗАГС)

20 18 1956

მოქალაქობრივ მდგომარეობის
საქართველოს გამწვანებული ბიუროს ჩაწერის
აქტის (ЗАГС) № 48

